

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

Как государственный деятель Константин VII Багрянородный занимает очень скромное место в истории Византии. Гораздо большее значение имела его литературная деятельность, хотя Скилица несомненно преувеличивает заслуги Константина в этой области.

Константин был большим любителем литературы. Он окружил себя группой литераторов, которая под его руководством развила оживленную деятельность. Кроме того, он интересовался историей и археологией, очень любил искусство, сам был художником и мастером художественного ремесла. Константин много писал, — впрочем, его произведения не отличаются ни глубиной мысли, ни достоинствами изложения, и хотя литературная деятельность как самого Константина, так и возглавлявшегося им кружка являлась по своему характеру не творческой, а компилятивной, тем не менее эта деятельность византийцев X в. имеет немаловажное значение для историка.

Дошедшие до нас и носящие имя Константина произведения служат источником для изучения не только истории Византии, но и сопредельных стран, в частности, — для истории народов СССР. При Константине и по его инициативе в Византии составлялись справочники и энциклопедии по военному делу, международной политике, гражданскому праву, сельскому хозяйству и медицине. Больше всего известий о русских дает трактат Константина, посвященный вопросам международной политики и описанию сопредельных Византии стран и составленный в 948—952 гг.¹ Мы называем его трактатом „О народах“ (*Περὶ ἔθνων*) или — чаще — „*De administrando imperio*“: так назвал это сочинение его первый издатель — Меурсий в первом печатном издании. 1611 г.

Константин поставил своей задачей написать на основе разных источников своего рода хрестоматию, предназначенную для учебно-педагогических целей и, прежде всего, — для обучения и наставления в вопросах международной и внутренней политики своего сына Романа II. Во введении к трактату Константин обещает разобрать в нем следующие вопросы: 1) принципы византийской политики в отношении к соседним народам: „чем они опасны и как их можно удерживать, поднимая против них другие народы“; 2) „неосновательные требования народов и как на них отвечать“; 3) происхождение, нравы, отличие народов, география

¹ Ср. J. B. Bury. *The Treatise De administrando imperio*. „Byzantinische Zeitschrift“, XV, 3—4, 1916, p. 518.

их стран, „также о том, что происходило в разное время между отдельными народами и ромеями“; 4) „о различных нововведениях, происходивших в стране ромеев“.

При составлении хрестоматии Константином были использованы документы императорских архивов и канцелярий, сочинения историков, донесения послов и описания путешествий, материалы разных справочников.

Несомненно, византийский двор X в. располагал значительными материалами для решения задачи, поставленной Константином. Со времени Юстиниана в Византии придавали большое значение собиранию всевозможной информации относительно „варварских“ стран, окружавших империю, информации, которую можно было использовать для практических целей. Такая информация прежде всего получалась через посольства. До нас дошли знаменитое описание двора Атиллы Приском, членом византийского посольства, отчет Петра Патрикия о посольстве к Хозрою. Ему было разрешено опубликовать служебный отчет в качестве полуофициального описания дипломатического путешествия в Иран. Менандрово описание посольства к туркам было несомненно также основано на официальном рапорте Зимарха. В области дипломатии от византийских дипломатов многому научились венецианцы. Знаменитые *relationi* посланников Венеции были заимствованы из восточно-римской дипломатической практики.

Мы не знаем, насколько заботливо сохранялись в византийских архивах документы прошлых веков. Константин VII, подобно Юстиниану, очень интересовался вопросами дипломатических отношений с народами, которых византийцы называли варварами, явился, как известно, инициатором составления *Ἐκλογαί*, содержащей в своих двух частях известия о посольствах чужеземных народов (*Ἐθνηοί*) к римлянам и римлян — к этим народам.¹ Этот труд состоит не из документов византийских дипломатических архивов, а из фрагментов исторических сочинений. Но из этого нельзя заключать, что старые архивы к X в. уже погибли. Константин ведь ставил в своей исторической „энциклопедии“ задачу собрать все лучшее из сочинений греческих историков, а не из придворных архивов. Большое количество дипломатического материала, отраженного в *De administrando imperio*, могло быть собрано уже во времена самого Константина, причем эти материалы, прежде чем дойти до императора, подвергались предварительной обработке переводчиками (*ἐρμηνευταί*).

Переводчики (арабские, латинские, грузинские, армянские, славянские и др.) составляли значительный постоянный штат ведомства логофета дрома, выполнявшего в X в. и функции ведомства иностранных дел.² Сношения с славянскими народами не представляли никаких трудностей, так как в самой Византии, особенно в Македонии и Фракии, было множество людей, понимавших язык, на котором говорили в Киеве. Было нетрудно найти переводчиков и при установлении связей с хазарским царством, — например, в Херсонесе: здесь изучил хазарский язык знаменитый составитель славянской азбуки Кирилл.³

Особенно часты и оживленны были дипломатические отношения Византии с вассалами империи, такими, как Венеция, грузинские

¹ *Excerpta Historica*, ed. de Boor, Berolini, 1903.

² *Constantini Porphyrogeneti De administrando imperio* (ниже всюду — *De adm. imp.*), с. 43, ed. Bonn, 1840. Θεοδώρου τοῦ τῶν Ἀρμενίων Ἐρμηνευτοῦ.

³ F. Dvornik. *Les légendes de Constantin et de Méthode*, Paris, 1933, p. 184.

и армянские феодальные княжества. Византийские историки рассказывают о частых посещениях Константинополя армянскими и грузинскими феодалами и о частых поездках византийских дипломатических агентов в Закавказье. Относительно этих стран Константин мог располагать достаточным количеством данных официального характера. Наличием такого материала объясняется ряд важных и ценных сведений, сообщаемых автором о печенегах, венграх, южных славянах, о постройке крепости Саркел и т. д.

В целом, однако, нельзя сказать, что задача, поставленная автором, была решена в его книге успешно, с достаточной полнотой и обстоятельностью.

А. Рамбо полагал, что главы книги писались в том порядке, в каком они дошли до нашего времени, а именно, что первые 29 глав написаны в 949 г.; затем работа была прервана на середине главы, касающейся Далмации; она не возобновлялась в течение двух лет, весь же труд был закончен только в 953 г.¹ Анализ текста, однако, показал, что глава 26 была составлена позднее 27; главы 29, 31—36 представляют последовательный текст, а глава 30 — позднейшее добавление. Часть работы, содержащая сведения об арабах (главы 14—25), также не составлена последовательно и по единому плану. Она содержит повтора; имеются два различных, независимых друг от друга, сообщения о Моавии.²

Далее установлено, что труд Константина не является законченным произведением. Доказательством этого может служить отсутствие логической последовательности в изложении. Работа Константина должна была повествовать о чужеземных народах и о внутренней администрации Византии. В свою очередь, материал о чужеземных народах должен был состоять из историко-географического описания этих народов и изложения принципов византийской внешней политики. В действительности же расположение разделов и глав книги не соответствует такому замыслу и местами перепутано. Так, глава 9 не может входить в первый раздел; глава 53 должна была бы помещаться вместе с главой 30 (о Далматийской феме).

Во введении Константин ставит своей задачей рассказать, что в разное время происходило между римлянами и различными народами (*τὰ ἐν τῷ καιρῷ μεταξύ Ῥωμαίων καὶ διαφόρων ἐθνῶν συμβεβηκῶτων*); на деле автор ограничивается лишь описанием переговоров между Юстинианом II и халифом о переселении киприян (*περὶ τῶν Κυπρίων μεταναστάσεως*).³ Глава 42 носит название „Землеописание от Фессалоники до реки Дуная и города Белграда“; между тем, о географии Балканского полуострова в данной главе ничего не сказано.⁴

Доказательством незаконченности трактата является и то, что в своем описании народов Константин удивительным образом проходит мимо некоторых из них.⁵

Мы могли бы ожидать у него исторического и географического описания Болгарии и Хазарии, которые являлись непосредственными соседями Византийской империи. Однако относительно хазар в трактате говорится только вскользь в связи с характеристикой печенегов, венгров,

¹ A. Rambaud. L'Empire Grec au dixième siècle, Paris, 1870, p. 165.

² J. B. Bury. The Treatise De administrando imperio. „Byzantinische Zeitschrift“, XV, 3—4, 1916, p. 531.

³ De adm. imp., p. 66.

⁴ Там же, стр. 177.

⁵ Ср. J. B. Bury. Ук. соч., стр. 531.

в связи с описанием пути от Дуная до Кавказа. Особенно странным является почти полное (если не считать нескольких попутных упоминаний) молчание Константина относительно Болгарии.

В трактате Константина имеются только отдельные замечания о Германии, хотя известно, что в 945 г. при дворе Оттона I находилось византийское посольство, что в 949 г. в Германию послан был византийский посол с подарками, который возвратился в том же году с Лнуцфредом, торговцем из Майнца.¹

Говоря о Руси, Константин ограничивается в основном описанием торгового пути по Днепру в главе 9 и несколькими другими замечаниями, хотя, несомненно, он располагал относительно Руси большей информацией; известно, что договор 944 г. с Русью был заключен при его участии.

Сам автор в своем трактате не дает никакого объяснения этим „упущениям“. Комментаторы Константина отказывались признать, что Константин сознательно хотел исключить эти народы из своей *ἔδωγραφία*, и делали отсюда вывод, что Константин, занятый другими литературными предприятиями, оставил в 952 г. эту работу незаконченной.

Отмечено, что даже деление на главы в трактате нельзя признать исходящим от автора. Скорее всего, как полагал Бьюри, это деление возникло из последующих пометок на полях рукописи о содержании текста. Оно нарушает основные разделы трактата, указываемые во введении Константином. Например, в главе 13 слито содержание разных разделов; заголовки не покрывают содержания глав. Последний абзац главы 9 по своему содержанию не имеет никакого отношения к ее названию — он непосредственно связан со следующей главой 10. Даже внутреннее содержание разделов не вполне согласовано, и частью эти разделы представляют собой результат чисто внешнего соединения известий, восходящих к разным источникам, известий, иногда противоречащих друг другу, причем иногда заметны редакторские попытки (местами неудачные) их примирения.

Таким образом, анализ трактата „О народах“ показывает, что этот труд не является законченным произведением. Содержащийся в нем материал дан в сыром виде, лишь кое-где он подвергнут обработке. Этим обычно и объясняют ошибки, противоречия, неточности, допущенные в работе как при изложении событий истории византийской империи, так и в описании сопредельных народов.

Нетрудно составить целый список таких очевидных и грубых ошибок. Так, в главе 13 Константин утверждает, что Лев IV взял из Хазарии жену Ирину. На самом деле хазарская принцесса Ирина приходилась матерью Льву IV. В той же главе 13 изобретение так называемого греческого огня приписывается Константину I, а в главе 48 оно относится ко времени Константина Погоната. В главе 21 Константин ошибочно относит бегство в Испанию Омейяда Абдеррахмана ко времени Юстиниана II, между тем, как Абдеррахман бежал в Испанию в 756 г.

В главе 26 допущены (как мы увидим дальше, сознательно) ошибки и неточности при изложении родословной короля Гуго.² В главе 27 Константин совершенно ошибочно приурочивает потерю Италии (Ланго-

¹ Liudprandi Antapodosis, lib. VI, cap. 4, Monumenta Germaniae Historica Scriptores (MGHSS), Annales Quedlinburgenses sub anno 949, MGHSS, t. III, p. 57.

² Г. Ласки и. Сочинения Константина Багрянородного „О фемах“ и „О народах“, М., 1899, стр. 98.

бардии) ко времени императрицы Ирины и представляет знаменитого евнуха Нарзеса ее современником. В главе 29-й еще Бьюри был отмечен ряд ошибок и неточностей при изложении истории областей Адриатического побережья и Южной Италии IX в.¹ Многих ошибок, впрочем, Бьюри здесь не заметил. Константин, например, утверждает, что со времени своего водворения в Далмации (при императоре Ираклии) славяне подчинились Византии, что они будто бы находились под ее властью в течение VII и VIII вв. и освободились от этой зависимости только в 20-х годах IX в., воспользовавшись слабостью тогдашнего императора Михаила II (820—829 гг.).² Но это утверждение не соответствует действительности, так как из других, более достоверных источников известно, что еще около начала IX в. жившая на северо-западе часть этих славян была подчинена Карлом Великим.³ Что они и до этого не входили в состав Византийской империи, показывает Ахенский мир Карла с византийцами.⁴ Константин рассказывает далее, что хорваты освободились от подчинения франкам в 20-х годах IX в.; это утверждение, однако опровергается грамотой Терпимира, из которой явствует, что Каролинги пользовались верховной властью в Хорватии еще в 852 г.;⁵ из другого, также достоверного источника (письмо императора Людовика II к Василию Македонянину) мы узнаем, что власть франков здесь продолжала сохраняться еще в 871 г.⁶ Военные действия Василия Македонянина против далматинских славян показывают, что их подчинение Византии происходило далеко не так гладко, как уверяет нас Багрянородный.⁷

Не выдерживает никакой исторической критики и утверждение Константина, что сербский правитель с самого начала находился под верховной властью римского императора и никогда не повиновался болгарскому царю.⁸

Константин, например, заявляет, что Петр Гойникович и все его предшественники еще со времени Ираклия были будто бы преданными слугами Византии.⁹ В одном месте он пишет даже, что и болгары до Бориса находились в зависимости от Византии. Стоит только припомнить эти странные утверждения автора трактата „О народах“, чтобы усомниться в истинности его только что приведенного заявления относительно Петра. В одном месте Константин сам проговаривается, что Петр находился в дружественных отношениях с Симеоном.¹⁰ Это замечание свидетельствует о несостоятельности утверждения Константина относительно того, что Петр будто бы занимал подчиненное положение по отношению к Византии, так как подчиненность Византии и дружба с Симеоном — факты несовместимые. Характерно, что Багрянородный, который в своем сочинении „De segetoniis“ подчеркивал тесную связь с „друзьями — болгарами“, в трактате „De thematibus“ отмечает, что эти „друзья“ отняли у Византии большую часть фракийской фемы; Константин называет болгар „богомерзким

¹ J. V. Burg. Ук. соч., стр. 534.

² De adm. imp., p. 149.

³ Einhardi. Vita Karoli imperatoris, cap. 15, MGHSS, t. II, p. 451.

⁴ G. Finlay. History of the Byzantine and Greek Empire. Oxford, 1856, v. 1, p. 118—120.

⁵ М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X веке, М., 1875, стр. 38.

⁶ Там же.

⁷ De adm. imp., p. 159.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 149, 159.

¹⁰ Там же.

народом“,¹ а в трактате „De administrando imperio“ преподает своему сыну и наследнику наставления, — каким образом он может вредить болгарам.²

Путаницу и ошибки, допущенные Константином в главе 46 при изложении событий истории древней Грузии, отметил еще Броссэ. Немало ошибок и неточностей имеется также и в главах, посвященных Северному Причерноморью.

В главах 1—14 рассматривается важный для византийской дипломатии вопрос о том, как должны византийцы относиться к различным народам, живущим к северу от Черного моря (к „скифским“ народам) и на какой из этих народов Византии следует опираться в своей политике. Автор трактата устанавливает, что опорой византийской политики в Северном Причерноморье должны быть печенеги, потому что они — сильные, и, действуя в союзе с ними, Византия может не бояться нападения болгар, русских и других „скифских“ народностей.

В главах 4—6 подробно разъясняется, почему для Византии необходимы союз и дружба с печенегами. Константин тенденциозно рисует русских и венгров как грабителей, которые якобы готовы восполняться первым удобным случаем, чтобы напасть на империю или вынудить у нее большой выкуп за мир. Дружба с печенегами и должна, по мнению Константина, обеспечить безопасность от этих набегов.

Союз Византии с печенегами заставит болгар отказаться от нападений на империю, так как печенеги живут близко к болгарам и, когда захотят — ради ли своей собственной выгоды или из расположения к императору ромейскому, — легко могут выступать против болгар и благодаря своему превосходству в численности и силе разбивать их и наносить им большой урон.³ Наконец, — заявляет Константин, — „если они (печенеги. — М. Л.) не состоят с нами в дружбе, то могут выступать против Херсонеса, делать набег и грабить самый Херсон и так называемые климаты“.⁴

В главе 8-й говорится о частых (ежегодных) путешествиях императорских послов — василиков (*βασιλικοί*) к печенегам; об этом свидетельствует особенно первая часть этой главы, по своему характеру напоминающая выписку из правительственной инструкции.⁵ Дипломатические поездки василиков предпринимаются, в частности, с целью использования печенегов для диверсий против русских, болгар или венгров. Василики отправляются к печенегам на военных судах — хеландиях; последние, не заходя в Херсон, направляются в устье Днестра, Дуная, где императорские послы вступают в сношения с печенегами. Точные предписания устанавливают формы, в рамках которых василики должны вести переговоры с печенегами; эта дипломатическая процедура применялась и при сношениях с другими народами, по своему образу жизни сходными с печенегами. Но хотя императорские василики ежегодно посещали становища печенегов и натравливали их на Русь, болгар или венгров (сообразно нуждам византийской дипломатии) и, следовательно, могли доставлять о них в Константинополь достаточно подробную информацию, составление трактата путем механического объединения отдельных документов, часто не имеющих связи между собою, привело

¹ Constantini Porphyrogeneti De thematibus (ниже всюду — De themat.) ed. Bonn, p. 45.

² De adm. imp., p. 71.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 68.

⁵ Там же, стр. 73—74.

к тому, что глава 8-я также оказалась образованной из двух различных частей, противоречащих одна другой.

В первой части главы автор говорит о том времени, когда печенеги уже владели устьями рек Северного Причерноморья и территорией южно-русских степей от Дуная до Саркела; содержание же второй части (посольство клирика Гавриила) свидетельствует о том, что венгры соседят с печенегами и живут к западу от Днепра, а печенеги — к востоку от Днепра.¹ Таким образом, ясно, что первая часть главы 8-й более позднего происхождения, чем вторая. Бьюри полагает, что посольство клирика Гавриила к венграм состоялось еще при Льве VI, когда венгры находились под свежим впечатлением нанесенного им печенегами поражения.²

В критической проверке нуждаются также сведения, сообщаемые Константином о территориальном расселении печенегов и восточно-славянских племен. Из его сообщений в главах 14 и 42 вытекает, что печенеги заняли все морское побережье от Дуная до Крыма и всю область южно-русских степей от Дуная до Дона и являлись соседями Руси и подвластных ей племен. В главе 37 говорится, что руссы занимают особую территорию, отделенную от территории славянских племен, находящихся у них в подчинении. Перечисляя четыре печенежских рода, кочующих к западу от Днепра, автор трактата пишет: „Округ Харовой соседит с Русью, а округ Явдертим соседит с подвластными русской земле областями: ультинами, деревленинами, лензенинами и прочими славянами“.³ Таким образом, Константин помещает Русь и подвластные ей славянские племена на запад от Днепра, как будто не было славян, которые бы жили к востоку от этой реки. На этой стороне Днепра он помещает в качестве соседей печенежских колен (с северной и восточной стороны) только „Узию, Хазарию, Аланию, Херсон и прочие климаты“,⁴ что, конечно, является грубой ошибкой. Константин забывает о северянах, которые упоминаются в главе 9 его трактата; это обстоятельство показывает, какие смутные представления были у Багрянородного о расселении восточнославянских племен.

Переходя к описанию территории западнее Днепра, Константин сообщает, что печенеги отстоят от Руси на один день пути. На сколько дней пути отстояли печенежские кочевья от территории уличей, древлян, лучан и как далеко простирались они от Черного моря на север, он не сообщает. Но судя по тому, что автор трактата помещает Русь „в верховьях Днепра“, надо думать, что он предоставляет, повидимому, все пространства южно-русских степей кочевникам-печенегам, не упоминая о каких-либо следах здесь оседлой жизни и перечисляя только несколько опустевших городов между Днестром и Дунаем. Это противоречит прямым указаниям русской летописи, согласно которой поселения уличей и тиверцев были расположены по нижнему течению Днестра и Буга (до моря).

Уличи (угличи, улучи) обитали в X в. к югу от древлян и волынян. Новгородская летопись рассказывает о войне Игоря с уличами и сообщает: „и бѣша сѣдѣще Углицѣ по Днѣпру внизи, и посемь приидоша межѣ Бѣгъ и Днѣстръ и сѣдоша тамо“.⁵

¹ Там же, стр. 73—74.

² J. B. Bury. Ук. соч., стр. 563—568.

³ De adm. imp., p. 166.

⁴ Там же.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 109.

Следовательно, до войны с Игорем уличи жили по нижнему течению Днепра, а затем передвинулись на запад. Часть их ушла в Поднепровье, в район будущей Галицкой Украины, на территорию современной Молдавии и Бессарабии, другая — отходила на север в районы верховьев Южного Буга и Днестра. Еще дальше на юго-запад жили тиверцы, „толковины“, т. е. союзники Олега во время его похода на Византию. Уличей знает не только наша летопись. О них упоминает Константин, именующий их *οὐλίνοι*. Баварский географ сообщает, что это — „многочисленный народ“ (*populus multus*), имеющий 318 городов (*civitates*).¹

Летопись помещает уличей и тиверцев по Бугу и Днестру „присѣдяху къ Дунаеви... или до моря“.² Таким образом, согласно данным летописи, бассейн рек Буга и Днестра до Черного моря был занят оседлыми славянскими племенами, причем летопись говорит об уличах и тиверцах, что „бе множество их“. На основании данных этой летописи мы можем констатировать существование — в довольно позднее время — поселений уличей и тиверцев на территории, отводимой Константином исключительно печенегам.³ „И суть города их и до сего дне“, — говорит летописец.⁴ Хотя наша летопись была составлена в XII в., но интересующее нас в данном случае место могло представлять собою более раннюю запись, вошедшую в летописный свод. Во всяком случае, летопись свидетельствует о том, что остатки поселений уличей и тиверцев сохранились в нижнем течении Буга и Днестра во второй половине X и XI вв.

Трудно допустить, чтобы появление печенегов привело к уничтожению всего оседлого населения в этих районах, и в половине X в. памятниками былой оседлой жизни оставались только развалины опустевших городов, названия которых перечисляет Константин. Наши источники свидетельствуют, что в тот период границы расселения восточных славян — хорватов, дулебов, уличей и тиверцев — заходили далеко на запад, юго-запад и юг.⁵ Русское население Венгрии, современной Закарпатской Украины, Буковины, Бессарабии, Подунавья не было пришлым; его пребывание здесь не являлось результатом позднейшей колонизации. Целый ряд фактов — походы Святослава в Болгарию, совет, который дал ему воевода Свенельд, — возвратиться оттуда сухим путем, как самым безопасным („пойди княже на конихъ коло, стоять бо печенежи в порозѣх“),⁶ обстоятельство последнего неудачного похода русских на Царьград в 1043 г., посылка Мономахом на Дунай в 1116 г. Ивана Войтишича, который ставит в дунайских городах русских посадников, — все это заставляет думать, что сообщение между нижним Дунаем и Приднепровьем для киевских князей было обеспечено более или менее надежно.⁷

Конечно, после появления печенегов сплошного славянского населения здесь уже не было. Часть оседлого населения отхлынула к северу, но другая осталась на месте, вела борьбу с кочевниками, в условиях которой складывался особый тип военной общины.

¹ P. J. Šafařík. *Slovanské starožitnosti*, v Praze, 1887, стр. 981.

² Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), Л., 1926, стр. 13.

³ И. П. Барсов. *Очерки русской исторической географии*, Варшава, 1885, стр. 95.

⁴ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, СПб., 1908, стр. 10.

⁵ В. Ма в р о д и н. *Образование древнерусского государства*, Л., 1945, стр. 90—91.

⁶ Лаврентьевская летопись, стр. 73.

⁷ И. П. Барсов. *Ук. соч.*, стр. 96.

Источники говорят нам, что в низовьях Днепра и Днестра в конце X в. сохранялись пункты с оседлым населением. Таково селение Борин, где пришлось довольно долго пробыть греческому топарху (прежде чем унялась начавшаяся зимняя вьюга).¹ Согласно „Записке греческого топарха“, византийский военный отряд направляется домой в зимнее время по южно-русской степи — в направлении Маврокастроны. В половине XI в. мы видим даже в этом Маврокастроны византийскую церковную митрополию, носящую название „Маврокастрон“ или „Новая Россия“.² Торговые сношения велись не только по Днепру, но и по Днестру. В таможенных правилах, изданных в Раффельштетте около 904 г., говорится о славянских купцах, приходящих из Чехии и „Ругии“, т. е. Руси („Ругией“ в Западной Европе называли Русь, о чем свидетельствует продолжатель Регинона, называвший Ольгу правительницей ругов).³

Ибрагим ибн Якуб (X в.) сообщает, что из Кракова приходят в Прагу Русь и славяне и привозят туда рабов, олово и меха.⁴ Из письма хазарского царя Иосифа Хасдаи ибн Шафруту явствует, что существовал торговый путь из Праги через Карпатские перевалы в Буковину; здесь этот путь через Днестр переходил на Днепр и далее вел в Азовское море и Хазарию. Везде по этому пути были расположены еврейские торговые колонии.⁵ Еще Г. Манойлович справедливо усомнился в правильности сообщений Константина о заселенности юга Северного Причерноморья между Днепром и Дунаем исключительно печенегами и о полном отсутствии здесь оседлой жизни в половине X в.⁶

До сих пор не было обращено внимание на то, что Константин, описывая взаимоотношения печенегов с Русью, преувеличивает роль и значение этих кочевников. При этом Константин противоречит самому себе. С одной стороны, он сообщает, что печенеги часто грабили Русь и причиняли ей много вреда и убытков, что русские стараются жить с ними мирно, потому что в случае войны они чувствуют себя отрезанными от юга, главным образом от Царьграда. Враждебные печенеги в таком случае ждут русских у днепровских порогов и здесь, пользуясь их затруднительным положением при переходе порогов, избивают их и обращают в бегство. Константин утверждает даже, что „руссы не могут приезжать в сей царствующий град Ромеев, если не живут в мире с печенегами, ни ради войны, ни ради торговых дел“ (οὔτε πολέμου χάριν οὔτε πρᾶγματείας).⁷ Поэтому чтобы избежать от их вражды и воспользоваться их помощью, русские избегают воевать с печенегами и иногда вступают с ними в союз. Но вместе с тем в главе 9 автор трактата сообщает, что русские, торговые караваны ежегодно совершают путь по Днепру и Черному морю в Константинополь, успешно отражая нападения печенегов, что последние не

¹ В. Г. Васильевский. Записка греческого топарха, „Труды“, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 149; М. А. Шагинин. Византийские источники о войне Свято-слава с греками. Архив ЛОИИ, стр. 114.

² „Revue de l'Orient Chrétien“, XIV (1909), p. 212; E. Honigmann. Studies in Slavic Church History. „Byzantion“, v. XVII, 1944—1945, p. 158.

³ М. С. Грушевский. Киевская Русь, т. I, СПб., 1911, стр. 359.

⁴ А. Куник и В. Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Записки АН, т. XXXII.

⁵ F. Westberg. Ibrahim's Ibn Jacob's Reisebericht über die Slavenländer. „Записки императорской Академии наук по историко-филологич. отд.“, 8 серия, т. III, № 4, СПб., 1898, стр. 135.

⁶ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“, стр. 46—52 (Рукопись, Архив АН СССР).

⁷ De adm. imp., p. 75—79.

вызывают у Руси никакой паники, что Русь вовсе не занимает по отношению к печенегам такого подчиненного положения, которое Константин приписывает ей в главе 2 своего труда.

Мы знаем, что последующие события очень скоро показали ошибочность суждений византийского императора. Печенеги не могли воспрепятствовать Руси ни торговать с Византией, ни воевать с ней при Святославе и Владимире.

О недостаточном знакомстве с экономикой Руси свидетельствует утверждение византийского императора, что на Руси не разводят домашнего скота, что руссы торгуют с печенегами и покупают у них скот (быков, коней, овец), так как на Руси якобы ни одно из названных животных не разводится.¹

Русь, конечно, могла покупать и покупала у степных кочевников скот, но утверждение, что на Руси в X в. не разводили домашнего скота, является несомненно ошибочным. Мы имеем достаточно исторических данных, показывающих, что восточные славяне X в. были земледельцами, прекрасно умевшими разводить домашний скот. Еще Маврикий, автор конца VI в., сообщал, что у славян и антов большое количество разнообразного скота и плодов земных.² Раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге показывают, что население Ладоги уже в VIII в. имело прирученных домашних животных, мясо которых шло в пищу.³ Раскопки П. Н. Третьякова в верхнем Поволжье показали, что в VII—VIII вв. здесь происходит переход от подсечного к пашенному земледелию и лошадь, мясо которой в прежнее время употреблялось в пищу, в связи с этими переменами начинает использоваться в качестве тягловой силы, необходимой для земледелия. Наша летопись с середины X в. упоминает о княжеских селах и княжеских угодьях.⁴ В источниках начала X в. уже говорится о боярах, т. е. употребляется термин, который в XI в. означал феодала, крупного землевладельца.

Среди ошибочных известий Константина о русско-печенежских отношениях, свидетельствующих о его недостаточном знакомстве с положением дел на Руси, особняком стоит одно очень важное сообщение, в котором отмечается факт проникновения в печенежский язык русского, и притом весьма показательного в известном смысле, термина — „закон“. Константин пишет: „печенеги дают царскому чиновнику клятвы по своим законам“ (*κατὰ τὰ ζακὰνα αὐτῶν*);⁵ этот текст указывает на то, что печенеги взяли недостававшее им слово „закон“ от Руси; известно, что точно так же в венгерский язык проникло из русского слово „воевода“ и все термины, относящиеся к земледелию.⁶

Отмеченные Константином факты говорят о культурном влиянии, которое земледельческий народ Руси оказывал на соседние кочевые народы, о более высоком по сравнению с общественным строем кочевников уровне общественных отношений на Руси, о наличии там уже сформировавшихся элементов права.⁷

Константин VII является единственным византийским писателем, который пытается дать характеристику внутреннего быта Киевской

¹ De adm. imp., p. 69.

² Маврикий. Тактика и стратегия. Русский перевод Цыбышева, СПб., 1903, стр. 180.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 44.

⁴ Лаврентьевская летопись под 946 г. Указ. изд., стр. 58 сл.

⁵ De adm. imp., p. 73.

⁶ Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 378.

⁷ Там же, стр. 379.

Руси. При этом весь материал по этому вопросу сосредоточивается у него в одной главе 9, так как Русь не была в числе тех народов, которые привлекали преимущественное внимание автора.

Глава 9 трактата „О народах“ представляет собою описание торгового пути из Киева в Константинополь. Купцы из русских городов уже давно приходили этим путем в византийские города на Черном море и в Константинополь. Исследования Манойловича показали, что эта глава, подобно ряду других, составлена из отдельных фрагментов, причем второй из них начинается словами: „зимний же образ руссов суров“.¹ В первом говорится о северных руссах, имевших политический центр в Новгороде, а во втором — о тех руссах, политическим центром которых являлся Киев, расположенный на земле не упоминаемых Константином полян. Манойлович предполагает, что известия источников, явившихся основой для первого и второго фрагментов, принадлежали разным авторам, причем автор второго сообщения пишет о более позднем времени. В обеих рубриках по разному транскрибируется название Киева: в первой — *το Κιοάβα* (стр. 75), во второй — *κίαβος* (стр. 79). По-разному читается название кривичей: в первой рубрике — *κρίβιτσηνοί* (стр. 75), тогда как во второй рубрике правильнее — *κρίβιτσοί* (стр. 79). По первой рубрике руссы отправляются в Константинополь из Новгорода, в котором сидел Святослав, а также из Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода, а по второй — руссы, проводящие зиму в полюдье, отправляются в Царьград из Киева. Очевидно, что вторая рубрика написана другим лицом и во всяком случае — позже первой. Замечание в первой рубрике, что в Новгороде сидел Святослав, есть более поздняя вставка, произведенная уже при редактировании текста. Притом едва ли можно допустить, чтобы в 948—952 гг., когда писался трактат, малолетний Святослав мог являться представителем русского правительства в Новгороде, тогда как Ольга оставалась в Киеве. „Повесть временных лет“ говорит только о пребывании Ольги и Святослава в Новгороде в 6455 (947) г.²

У Константина имеются некоторые сведения, показывающие, что в это время с областью руссов соединялось представление именно о Киевской земле. Лодки собираются в Киеве, где их продают русским. Князья „выходят со всеми руссами“ из Киева и отправляются в полюдье, и именно в славянские земли: Вервианов (древлян), Другувитов (дреговичей), Кривичей, Севериев (северян) и остальных славян, платящих дань руссам.³

В этих словах норманнисты усматривают прямое подтверждение этнического отличия руссов от славян; используя текст Константина, они пытаются доказать, что даже в юность Святослава руссы были якобы особым правящим народом и говорили не по-славянски, а на скандинавском языке. При этом приверженцы норманнистских лжетеорий не замечают только одного: среди подвластных руссам племен названы дреговичи, кривичи, древляне, северяне, лучане, — нет только племени полян, а ведь поляне в первую очередь должны были признаваться данниками Руси, если в последней видеть норманнов. Но отсутствие упоминания о полянах понятно, ибо они были Русью, т. е. жителями Киевской земли. Если мы спросим, какую территорию, отделенную одним днем пути от печенежского округа Харовой, подразумевал

¹ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“, стр. 44—46.

² „Повесть временных лет“ по Лаврентьевскому списку под 947 г.

³ В главе 37 Константин называет еще восточные славянские племена ультинов (уличей) и лензининов (лучан), как соседей печенегов.

Константин, говоря о месте поселения руссов, то единственно возможным ответом на это будет указание на территорию полян с главным городом Киевом.

М. Н. Тихомиров показал, что в XII—XIII вв. название „Русь“ в узком смысле обозначало вполне определенную страну — Киевскую землю.¹ Но и в X в. под Русью и русской землей понималась в первую очередь Киевская земля.

Летописные повести X в. явно различают варягов и Русь. Для летописцев, однако, не было никакого сомнения, что русская и славянская грамота — одно и то же, а славянский и русский язык — один: „... аще и поляне звахуся по словенская речь бе“. Ни Д. Бьюри, ни А. Грегуар, ни А. Васильев не могут, конечно, объяснить, почему внук Рюрика (если верить летописной родословной) носил уже чисто славянское имя Святослав, почему послы Олега и Игоря при заключении договоров 911 и 944 гг. клялись не скандинавскими, а славянскими богами, почему Олег и Игорь в начале X в. пользовались в сношениях с Византией славянским (русским) языком в сохранившихся „Повестью временных лет“ русско-византийских договорах.

После исследований Н. А. Лавровского, С. Гедеонова, В. Сергеевича, А. А. Шахматова и особенно академика С. П. Обнорского, давшего лингвистическое исследование текста договоров, совершенно неоспоримо доказано, что дошедшие до нас договоры 911 и 944 гг. не только являются подлинными, но и написанными одновременно с их заключением. Договор 911 г. хотя и пропитан болгаризмами, но написан все же русским языком.² Таким образом, наличие русской славянской письменности в начале X в. — факт совершенно очевидный. Установлено, что договоры Олега с Византией составлялись в двух экземплярах: на греческом и славянском языках. Сохранившийся второй экземпляр ясно показывает, что русский язык начала X в., вопреки норманистской теории — это славянский, а не германский язык. Названия русских городов, на которых Византия, по сообщению летописца, давала „уклады“ по соглашению 907 г. (Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск, Любеч) — славянские названия: этот факт является лишним подтверждением того, что Русь в X в. не представляла собой чужеземного племени.

Византийские источники никогда не называют Русь норманнами. Они обозначают Русь либо как скифов, либо — тавроскифов. Русь у Фотия является народом скифским (а скифами византийцы IX в. обычно называли славян), народом бесчисленным, степным. Характеристика эта не подходит к скандинавским викингам.³ В сочинении Льва Дьякона также содержится ряд указаний на то, что тавры, составлявшие войска Святослава, были славянами. Византийский историк рассказывает, что в 970 г., когда Цимисхий выставил против русских заслон во Фракии (под командой Варды Склира и патрикия Петра), он приказал послать в неприязельский стан воинов, одетых в скифское платье, знающих оба языка, — с тем, чтобы они узнавали намерения русских.⁴ Этими двумя языками, знание которых требовалось от разведчиков, могли быть только греческий и славянский языки. Варяжские наемники (даже

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“. „Советская этнография“, 1947, VI—VII, стр. 80.

² См. подробно М. В. Левченко. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 114 сл.

³ A. N. a u s c k. Lexicon Vindobonense. Petropolis, 1867, p. 201—205.

⁴ L e o Diaconus. Historia, ed. Bonn, 1828, p. 108.

если предположить их наличие в Византии в то время) обычно не знали греческого языка — к ним всегда приставлялся переводчик, да если бы и знали, то византийцы не рискнули бы посылать их к соплеменникам. Ясно, что византийцы посылали в русский лагерь шпионов, знавших греческий и славянский язык (в Византии было немало лиц, владевших обоими языками). Но из этого следует, что войско Святослава говорило на славянском языке.

Характерно, что когда в 970 г. Русь сражалась с византийцами, имея союзниками болгар, венгров и печенегов, то русские выстраивались всегда вместе с болгарами как говорящие на одном языке.¹ Назвав „катархонта тавров“ Святославом, Лев Дьякон прибавляет, что так он называется на их языке.² Наконец, спайка и храбрость, проявленная войском Святослава в борьбе с византийской армией в 971 г. (эти качества русских отмечают все византийские источники) является прекрасным опровержением „теории“ норманнистов, которые характеризуют положение на Руси X в. как период господства норманнов над поработенными славянами.

Сам Константин приводит в своей книге русские слова: „полюдь“,³ „закон“,⁴ „воевода“,⁵ славянское происхождение которых ни в ком не вызывает сомнений; эти факты свидетельствуют о том, что русские в X в. говорили на славянском языке.

Норманнисты ищут опоры своим „теориям“ в приводимых Константином названиях Днепровских порогов, которые он дает по-русски и по-славянски. Но названия русских порогов у него в значительной степени искажены, так же, как и приводимые им названия русских городов. Работы С. В. Юшкова („К вопросу о происхождении русского государства“, 1946) и М. Н. Тихомирова („Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“, 1947) дают новое и совершенно убедительное толкование проблемы названия Днепровских порогов у Константина. С. В. Юшков показал, что названия Днепровских порогов, в передаче Константина, — „международная номенклатура“. Поскольку путь по Днепру в X в. был путем международного значения, по которому везли свои товары представители разных народностей, естественно, что в Киеве название Днепровских порогов было усвоено купцами этих народностей; в их числе были и норманны. Советские историки объяснили также, почему Константин путал Русь X в. с варягами, приходившими из Руси и служившими в византийском войске.

Таким образом, если норманнистам не удалось доказать, что русские названия порогов представляют собой перевод славянских названий порогов, то тем более нельзя принять мнения о том, что русский язык в середине X в. был скандинавским языком. Следовательно, сообщение Константина вовсе не является, как это утверждают норманнисты, доказательством тождественности Руси и норманнов.

Сведения, сообщаемые Константином о Руси, высоко расцениваются норманнистами, признаются „классическими“, имеющими для истории древней Руси такое же значение, как сочинение Тацита „De Germania“ для истории древних германцев. Эта точка зрения является необоснованной. Советский историк академик Б. Д. Греков совершенно справед-

¹ Skylitza (Cedrenus), Compendium Historiarum, t. II, ed. Bonn, 1839, p. 386.

² Leo Diac., p. 150.

³ De adm. imp., p. 79.15.

⁴ Там же, стр. 170.15.

⁵ Там же, стр. 168.5.

ливо высказал весьма критическое отношение к известиям о Руси, имеющимся в трактате Константина, „известного русофоба и потому не могущего в своих сообщениях о Руси быть объективным, к тому же писавшего издалека“.¹

Из предшествующего видно, что хотя во время написания трактата „О народах“ между Русью и Византией поддерживались постоянные торговые и дипломатические отношения, но эти отношения нельзя назвать нормальными. В них ясно чувствуются натянутость и недоброжелательство. Об этом говорит содержание глав 4—6 сочинения Константина, в которых, как уже указывалось, император оправдывает необходимость союза и дружбы Византии с печенегами, ссылаясь на враждебность к империи русских и венгров.² О напряженности русско-византийских отношений свидетельствует и глава 13, в которой византийский император жалуется на алчность к деньгам, неуместные требования, дерзкие домогательства северных народов (хазар, венгров и русских)— и наставляет своего сына, как отклонять эти домогательства. По словам Константина, хазары, венгры, русские и другие „скифские“ народы часто добиваются присылки им принадлежностей императорских одеяний, венцов и другого убранства, часто требуют от императора выдачи секрета жидкого огня, выбрасываемого из труб. Некоторые народы из „этих неверных и худородных жителей севера“ требовали даже „войти в свойство с императором Ромейским“ и „либо взять его дочь в невесты, либо дать собственную дочь в жены императору и императорскому сыну“. Константин рекомендует первые два домогательства отклонять указанием на „божественные установления“, запрещающие будто бы выдавать кому бы то ни было принадлежности императорского облачения и раскрывать тайну жидкого огня. На третью же „неразумную и неприличную просьбу худородных народов севера“ Константин считает уместным отвечать ссылкой на запрет Константина Великого — запрет, по которому император Ромейский никогда не должен вступать в свойство с народом, имеющим несходные и чуждые обычаи, — за исключением, впрочем, одних только франков. Если императоры-иконоборцы нарушали этот запрет, то ведь они были еретиками и за это преданы церковью анафеме. Если Роман Лакапин породнился с болгарями, то он был простец, человек необразованный, узурпатор; он получил за это заслуженное наказание при жизни и подвергается осуждению и по смерти.³

Рассуждения Константина Багрянородного в главе 13 ярко иллюстрируют то высокомерие, с которым византийские политики X в. продолжали относиться к „неверным и худородным жителям севера“ — хазарам, венграм и русским.

Отсутствие нормальных отношений у Византии с Русью подтверждается далее результатами поездки русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. Это путешествие Ольги было важным политическим шагом. Ольга предприняла его не только для того, чтобы принять христианство, но и для того, чтобы договориться с византийским правительством по всем вопросам, затрагивающим русско-византийские отношения. Император, конечно, не преминул поразить Ольгу пышностью и великолепием константинопольского двора, но поездка ее не привела к ожидаемым результатам. Ольгу и русских принимали как очень важных послов, но все же — только как послов. Между тем, Ольга —

¹ Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 275.

² См. выше, стр. 16.

³ De adm. imp., p. 114—118.

„игемон и архонтисса“ — могла рассчитывать на иной прием, достойный владетельной особы. Ольгу обидело долгое и утомительное ожидание в „Суде“ первого и второго приема,¹ очень скромны были и денежные подарки, полученные русскими. Во всяком случае, Ольга осталась не вполне довольной результатами своего путешествия в Константинополь и обратилась к германскому императору Оттону I по вопросу об организации в Киевском государстве христианской церкви.²

В византийских канцеляриях X в. была тщательно разработана иерархическая табель государств Европы и Азии. В зависимости от значения и важности того или иного государства для Византии определялись формулы дипломатических обращений и ценность золотых печатей, привешиваемых к документам. В этой византийской иерархической табели государств Русь вместе с венграми и печенегами занимала очень невысокое место. В обращениях к багдадскому халифу его имя предшествовало имени императора. Халиф, именуемый протосимволом и диатактором агарян, имел право на три почетных эпитета (*μεγαλοπρεπέστατος, εὐσεβέστατος, περίβλεπτος*). Формула дипломатического обращения к хазарскому кагану была такова: „Во имя отца и сына и святого духа, единого истинного бога, Константин и Роман, верные в боге римские императоры, наиболее благороднейшему и славнейшему кагану Хазарии“; к документу, содержащему это обращение, привешивалась печать стоимостью в 3 золотых солида. К русскому же князю писалось: „Грамота Константина и Романа, христолюбивых императоров римских, к архонту России“, — т. е. без всяких почетных эпитетов, — и к документам привешивалась печать ценою в два солида.³

Все эти факты говорят о том, что отношения с Русью были при Константине отнюдь не дружественными. Вместе с тем, эти факты подтверждают характеристику, данную автору трактата „О народах“ Б. Д. Грековым. Сам Константин, как видно из его высказываний, относился к Руси враждебно и потому естественно в своих суждениях не мог быть объективным. При анализе его известий о Руси мы видим, что в своих сообщениях о полюдье, о торговом пути по Днепру он дает мало нового, такого, что не было бы известно из „Повести временных лет“ и других источников; в то же время Константин вносит много путаницы, приводит большое число неверных, ошибочных сведений, что служит ярким показателем его недостаточной осведомленности о положении дел на Руси. Мы видели, что таких ошибок и неточностей встречается немало и в других главах его книги. Обычно эти ошибки и неточности объясняют ограниченностью самого писателя и неумением овладеть собранным материалом, а также тем, что его труд остался недоработанным. Но еще никто не пытался объяснить, почему Константин об одних народах говорит много и подробно, а другие оставляет без внимания; еще никто не пытался определить истинную цель его работы, поставить ее содержание в связь с политическими воззрениями византийских императоров X в., которые, именуясь повелителями вселенной (хотя уже на деле не повелевали ею), все еще сохраняли прежние притязания.

Нужно признать, что сочинение „О народах“ вместе с другими произведениями, приписываемыми Константину, содержит значительный материал, важный для понимания политических воззрений руководящих

¹ Constantini Porphyrogeneti De cerimoniis aulae byzantinae (ниже всюду — De cerim.), II, cap. 15; ed. Bonn, 1829, p. 595, 899.

² Reginonis Prunensis Chronicon, p. 170.

³ De cerim., II, cap. 48, p. 680 sqq.

византийских верхов, принципов византийской политики X в., для понимания того, как византийские правители этого времени представляли себе историческое прошлое Византии и определяли ее международную роль в настоящем.

Константин не отрицает того кризиса, который пережила Византийская империя в VII в. Он рассматривает его как бедствие, упадок, почти катастрофу. „Было время, — пишет Константин, — когда римское господство распространяло свои сети на весь мир. Но с того времени, как Рим был взят готами, дела римлян стали приходить в упадок, и сети эти стали гнить и разрываться“.¹ Автор умалчивает об истинных причинах этого загнивания. По его мнению, империя Ромеев (Восточно-Римская) начала терпеть увечья, отторжения и уменьшаться в границах благодаря безбожным агарянам. „Со времени царствования Ираклия Ливийского империя была сужена и урезана с Востока и Запада, и ее императоры, не имея возможности где-либо проявлять свою деятельность, разделили на небольшие части свое государство, огречились, а родной римский язык изгнали из употребления“.² Константин полагает, что империя Ромеев едва не зачахла вследствие лености и нерадения царствовавших в то время императоров, особенно Михаила III.³ Своим дурным отношением к лежащим на нем государственным обязанностям Михаил III вооружил против себя все слои общества — сенат, гражданскую администрацию, войско, население столицы, окружил себя дурными советниками, растрачивал государственную казну на личные потребности, кощунственно относился к православию, проявлял неуважение к законам. Возрождение государства началось; по мысли Константина, со времени Македонской династии, со времени Василия I, который якобы заложил прочный фундамент здоровой государственной политики и должным образом направил мировое судно. Василий I правил при поддержке сената, светской и духовной администрации, войска, столичного населения. Он раздавил нечестивых павликиан и совершил апостольское дело обращения в христианство евреев и болгар. Образцовый государь и образцовый человек, он делал царское дело, вникая во все отрасли государственного управления. Константин считает себя продолжателем дела, начатого Василием I, и всех великих традиций империи. Несмотря на все постигшие Византию испытания, Константин не думает отказываться от представления об империи как о всемирной монархии, представления, ведущего начало еще от Евсевия Кесарийского.⁴

Он придерживается учения о том, что подобно тому, как есть только один бог, а не два или три, так существует только один император, — потому что земное царство есть отражение небесного. Константинополь — столица мира, а византийский император — владыка вселенной. Отсюда — вывод, что все другие короли и князья получают свою власть от византийского императора или, по крайней мере, правят с его согласия. Их называют *ῥηξ* или *ἄρχων*, — одинаково, как в исторических сочинениях, так и в официальных актах. В отдельных случаях необходимость иногда вынуждала византийских правителей поступать этим принципом и признавать, например, за Карлом Великим или болгарским царем титул *βασιλεύς*, но эти вынужденные уступки при первой возможности брались обратно. Титул *βασιλεύς* со времени новеллы Ираклия

¹ De themat., p. 45.

² Там же, стр. 12—13.

³ De adm. imp., p. 29.

⁴ Eusebii Werke, herausg. von Heikel, 1902. De laudibus Constantino.

629 г. становится официальным титулом византийских императоров, равнозначным латинскому *imperator*: в официальных актах, написанных на латинском языке, формуле *πιστοί ἐν χριστῷ βασιλεῖς* всегда соответствует *fideles in Deo imperatores*.

Этот титул, полагали византийские правители, принадлежит „закононно“ только византийскому императору, стоящему во главе „всемирной“ монархии.

Каким языком императорская канцелярия характеризовала Византийскую империю, показывает письмо Романа Лакапина египетскому эмиру Ихшиду. Мы читаем в этом документе: „Ты познал и от многих других слышал о высоте и величии царства ромеев, о том, что оно является самым сильным на земле, о том, какими богатствами и земными благами оно владеет“.¹

Византия, в представлении Константина, как уже было сказано, — всемирная монархия; в силу этого она сохраняет право на все территории, которыми когда-либо владела. Поэтому Константин в своей книге говорит и о северной Африке, и об Италии, и об Испании, подчеркивая, что эти земли некогда принадлежали империи. Задача императора — возратить потерянные территории. Поэтому, по мысли Константина, императора должны прежде всего занимать вопросы внешней политики. Внутреннее благосостояние страны рассматривается им как нечто, стоящее на втором плане, потому что в качестве необходимого своего условия предполагает внешнее могущество государства. Но необходимость заставляет исходить не из отвлеченных теорий, а из опыта, заставляет считаться с фактическим положением дел. В „*De administrando imperio*“ нет места отвлеченным теориям. Политика, говорит Константин, получает ценность в зависимости от того, насколько она обоснована фактическим положением дел. С этим-то фактическим положением дел в вопросах международной политики Константин и хочет познакомить своего наследника.

Сопредельные страны привлекают внимание Константина VII не в одинаковой мере. Больше места уделяется, естественно, арабским странам, с которыми Византия вела вековую непримиримую борьбу (главы 15—23). В X в. в Византии были распространены пророчества о близкой гибели сарацинского мира, и когда назначенный срок проходил без изменения, устанавливались другие сроки.² Не без связи с этим в собранном Константином материале, представляющем главным образом выписки из Феофана, обращается внимание на гороскоп (ἑρμάντιον) Стефана Математика, согласно которому могущество арабов должно было продолжаться всего 309 лет. Его падению должен был предшествовать период анархии в 56 лет.

Очень много внимания в книге Константина уделено западной части Балканского полуострова (главы 29—36-я) — Далмации, Хорватии, Сербии. И этот интерес отнюдь не носит чисто „академического“ характера: после заключения византийско-болгарского мира 927 г. Византия развивала лихорадочную деятельность в этих областях (и при Романе Лакапине и при Константине), оказывала всяческую поддержку Чеславу, чтобы подчинить сербские земли византийскому влиянию, закрепить это влияние в Сербии и противопоставить Сербию Болгарии.³

¹ Ρωμανοῦ βασιλέως ἐπιστολαί. Δελτίον, т. I, 1889, р. 406—409.

² Skylitza (Cedrenus), т. I, р. 717; J. В. Вury. Ук. соч., стр. 534.

³ В. Н. Златарски. История на първото Българско царство, ч. 2, София. 1918, стр. 540—541.

Еще более ярко эта агрессивная тенденция византийских политиков проявляется в главах трактата „О народах“, посвященных Закавказью — Армении и Грузии (главы 43—46). Главу 43 („Об области Тарон“) составитель начинает торжественным заявлением: „Но довольно тебе, любимое дитя, рассказано о северных скифах, знание чего во всяком случае будет тебе со временем полезным и нужным. Тебе должно также знать и о землях, что на Востоке, каким образом они снова стали подвластны ромеям, после того, как сперва освободились от их владычества“.¹ Таким образом, Армения и Грузия интересуют автора исключительно с точки зрения возможности возвращения их под власть Византии. Византия еще при Василии I при содействии армянских феодалов сумела прибрать к своим рукам пограничные районы Армении. Одну из главнейших целей византийской внешней политики составляло дальнейшее внедрение в Армению. Византийские политики X в. считали, что только занятие высоких плоскогорий и горных хребтов Армении создаст прочный заслон Византии с Востока, обеспечивающий власть над Закавказьем, охрану кавказских проходов. В этом отношении Византия продолжала старые римские традиции. Обладание Арменией для парфянских и новоперсидских властей, с одной стороны, и римских, — с другой, было вопросом господства во всей Передней Азии. Борьба за Армению как бы перешла „по наследству“ от римлян и персов — к арабам и византийцам. Византийские правители X в. всеми средствами продолжали эту борьбу. Гфрёрер характеризует политику императоров Македонской династии в этом вопросе как мелочную, эгоистическую, алчную и коварную;² но вместе с тем, она отличалась известным упорством и настойчивостью. Деятельность императорских политиков в этих областях Закавказья была особенно напряженной в то время, к которому относятся известия в „De administrando imperio“.³ Отсюда проистекал и интерес высших кругов Византийской империи к сообщениям из этих областей. Отсюда же — и знание внутренних отношений в них; осведомленность византийцев в этом вопросе возрастала вследствие переселения в пределы империи знатных армянских семейств, представители которых играли все возрастающую роль в системе государственного управления империи и порой достигали самых высоких чинов (таков, например, неоднократно упоминаемый Константином VII Мелия).⁴ Указанные обстоятельство главы объясняют нам содержание четырех глав трактата „О народах“ (главы 43—46) — об Армении и Иверии.

Политика империи, направленная к постепенному захвату этих стран, не могла бы иметь успеха, если бы византийцы действовали против воли местной правящей феодальной верхушки. Поэтому византийская дипломатия всячески стремилась привлечь на свою сторону представителей феодальных верхов областей Закавказья: она достигла в этом отношении определенных успехов. Эгоистическая феодальная олигархия Армении, в частности, добивалась прежде всего своих личных выгод, жертвуя интересами народа. И закавказские феодалы и князья, опираясь на Византию, получали лично для себя ощутительные выгоды: значительное ежегодное жалованье, часто — дворцы в Константинополе или доходные поместья в соседних провинциях империи, высокие придворные чины протоспафариев, патрикиев, магистров, которые выделяли этих

¹ De adm. imp., p. 159.

² A. Gfrörer. Byzantinische Geschichte, Graz, 1872—1877, Bd. III, S. 13.

³ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“ императора Константина VII Багрянородного, стр. 64.

⁴ De themat., p. 33.

представителей армянской и грузинской знати из среды местных феодалов, наконец, защиту в случае каких либо бедствий и неудач. Нужно сказать, что в X в. византийское правительство пользовалось более сильным, внушительным и постоянным влиянием в Армении и Грузии, чем слабое правительство в Багдаде.

Константин VII внушает своему сыну, что византийский император имеет все права на владение Арменией, что армянский царь („князь князей“) — „слуга римского императора“, так как им поставляется (προβαλλόμενος) и от него получил этот сан (ἀξιωμα).¹ Для Константинополя не имеет никакого значения, что багдадский халиф, как государь Армении, по праву завоевания послал Ашоту I царский венец и назначил его остиканом (наместником) над всей Арменией. В Константинополе имеет силу только тот сан „архонта архонтов“, который признан за армянскими Багратидами и дан им императором, а из этого ясно, что все города, общины, земли, над которыми господствует „князь князей“, принадлежат римскому императору.² А если сам армянский царь — слуга императора, то тем более ему слуги — мелаэкертские эмиры, которые до гибели Смбага I были слугами армянских царей. Поэтому империи необходимо подчинить своему влиянию города на Ванском озере, особенно Хлат, Арзес и Перкри, так как они — императорский форпост против Азербайджана и надежная преграда против вражеских войск, которые захотели бы из Ирана напасть на империю.

Константин настойчиво убеждает сына, что эти три города нужно взять во что бы то ни стало.³ Они должны принадлежать империи, стать ее собственностью, ибо Ахмет (пасынок Аполесфуга) был подданным императора и платил ему дань, как за себя, так и за дядю, государя Мелаэкерта и его округа. Вообще все члены этой династии платили императору дань, как за свои собственные области, так и за главный мелаэкертский удел, который они получили в порядке наследования. (Уплата этой дани началась, повидимому, с успешно завершившейся для империи войны 930/931 гг., уже после смерти армянского царя Ашота при Льве VI.)

В рубриках главы 44 содержатся как бы наброски правовой теории, при помощи которой должна была быть обоснована аннексия вышеупомянутых городов на Ванском озере, а может быть, и всего Мелаэкертского эмирата в пользу Византии.

Грузинские феодалы с большой настроенностью относились к притязаниям Византии на грузинские земли. Автор не скрывает неоднократных неудач, которые приходилось испытывать византийской дипломатии при попытках осуществления ею здесь своих захватнических целей.⁴ Сам Константин приводит случаи дипломатических отступлений и поражений Византии, но основная тенденция его сочинения и здесь состоит в том, чтобы показать — и он настойчиво делает это, — что в Иверии с давних времен установилось верховенство императора, хотя он и терял эти области на более или менее длительные сроки. Подтверждение подвластности названных стран императору Константин усматривает в том, что грузинские магнаты носили византийские титулы — патрикиев, магистров и др. Верховный же государь Грузии постоянно носит византийский придворный титул куропалата. Из всего этого делается вывод, что и Иверия должна принадлежать Византии.

¹ De adm. imp., cap. 44.

² Там же, стр. 193.

³ Там же, стр. 196.

⁴ Там же, гл. 46.

В памяти читателя воскрешается установленный Куркуасом стратегический принцип, согласно которому византийская граница в Закавказье должна проходить на реке Аракс.

В рассмотренных разделах трактата „О народах“ наиболее отчетливо раскрываются его непосредственные дидактико-политические цели. В нем собраны практически примеры из истории дипломатии и политики, которые должен был знать наследник престола для того, чтобы на этих примерах изучить, с одной стороны, как и в каком направлении велись государственные дела в прошлом, а с другой, — понять, как они должны вестись в будущем, для того, чтобы уяснить, что главной целью внешней политики империи должно быть возвращение потерянных ею областей на Балканах, в Азии и Италии. В соответствии с этим автор трактата „О народах“ без стеснения говорит обо всем том, что в других случаях скрывалось бы от огласки. Здесь подвергается откровенной оценке поведение каждого из „друзей“ и „слуг“ империи, не скрываются дипломатические поражения, понесенные ею, ясно обнаруживаются подлинные стремления и планы византийских политиков.

То же мы наблюдаем и в главах 1—14, 42 и 53, посвященных Северному Причерноморью. Глава 42 содержит описание Черноморского побережья от Дуная до Сотириуполя (Пицунды); в ней помещены краткие гидрографические указания о реках и озерах, а также приводятся несколько существенных известий о политических, торговых и иных отношениях в Северном Причерноморье: указывается, что печенеги контролируют устья Днепра, Днестра и Дуная и что они занимают черноморское побережье от низовьев реки Дуная до хазарской крепости Саркела.¹ О русских в этой главе ошибочно говорится, что они живут „в верховьях реки Днепра“.² Здесь же сообщается о русской торговле. Всех этих вопросов автор трактата касается только попутно.

Основное внимание Константина в главе 42 — сообразно общей цели книги — направлено на вопрос о восстановлении и упрочении византийской власти в Северном Причерноморье. В связи с этим автор обращается к истории постройки византийцами (при императоре Феофиле) крепости Саркел на Дону (для хазар) и превращения тогда же города Херсонеса и „климатов“ в Крыму в византийскую фему, подчиненную стратегу. Константин подробно рассказывает об обстоятельствах того и другого. Конечно, византийцы строили крепость Саркел для хазар не даром. Наличие какого-то общего врага, который в трактате не называется, заставило Византию и Хазарию столкнуться между собою; в результате этого сговора Византия, построив для хазар Саркел, восстановила свою власть на южном берегу Крыма. Очевидно, угроза со стороны этого же врага заставила херсонесцев согласиться с появлением в Херсонесе византийского стратега. Но, как видно из главы 53, опасность отпадения Херсонеса не была исключена и в X в.

Большая глава 53 названа „История города Херсонеса“. Материалы этой главы являются, видимо, извлечением из какого-то херсонесского литературного источника. Характерно, что здесь отсутствуют вводные

¹ Местоположение Саркела удалось точно установить в результате работ северокавказской экспедиции ГАИМК у станицы Цымлянкой на левом берегу Дона. См. литературу о Саркеле в работе М. И. Артамонова — Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935. Из прежних археологических исследований, намечавших местоположение Саркела, см. А. Н. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел? „Труды IX Археологического съезда“, т. I, стр. 271.

² De adm. imp., p. 189.

ἱστῶν ὅτι или просто ὅτι, как правило, сопровождающие всякий новый абзац основной части трактата Константина.¹ Т. Моммзен считал рассказы, приведенные в этой главе, „херсонесскими сказками“.² Иначе относился к ним Р. Гарнетт, который трактовал эти рассказы как исторически достоверные и старался лишь уточнить их хронологию и имена действующих лиц.³ Г. Манойлович видит в главной части главы 53 текстуальную копию херсонесской летописи или сказания (ἱστορία) и считает несомненным, что основой для этого литературного произведения служила херсонесская летопись, в которую были внесены поправки и дополнения (порой баснословного характера) о необычайных или важных событиях.⁴

Действительно, как показывает анализ этой главы, нельзя отрицать, что в основе передаваемых здесь сказаний лежит какое-то историческое зерно, хотя оно окружено таким количеством вымышленных фактов, что не может быть еще выделено с большей или меньшей точностью. За известную реальность рассказа говорит его рельефно выступающий местный колорит, точное знание города и его округа, ссылка на поставленные в нем памятники. Даже Т. Моммзен находил заслуживающим внимания указываемые в этой главе городские привилегии и владения.⁵ Но центр тяжести главы 53 заключается не в этой ее части, заимствованной из херсонесской летописи. Вслед за ней следует дополнение, начинающееся стереотипным ἱστῶν: это дополнение представляет собой наставление наследнику престола; здесь перечисляется ряд мероприятий, которые следует провести византийскому правительству в случае возможного отпадения Херсонеса от империи. Этот небольшой отрывок более важен, чем вся длинная предшествующая история Херсонеса, изложенная в стиле занимательного рассказа. Он повествует о современных событиях и содержит перечисление тех репрессивных мер, которые византийское правительство должно обрушить на головы херсонитов в случае отпадения их города от империи.

Из всего вышесказанного становится понятной как главная цель работы, так и то обстоятельство, что автор обращает усиленное внимание на одни народы и оставляет без внимания другие или говорит о них только мимоходом. Главная цель его работы заключается не в том, чтобы дать своему сыну и наследнику обстоятельное и объективное описание сопредельных стран и народов, а в том, чтобы поставить его в агрессивные замыслы Византии.

Стремясь внушить сыну мысль о необходимости возвращения захваченных арабами византийских территорий, он подогревает надежды на скорый крах арабского могущества. Чтобы ввести наследника в курс захватнических планов Византии по отношению к сербам и хорватам, он останавливается на географии Сербии, Далмации, Хорватии, подробно излагая предшествующую историю этих народностей и тенденциозно извращая ее в интересах византийской политики. С историей южных славян тесно связывается история венгров; поэтому Константин не может обойти молчанием и Венгрию. Не упускается из поля зрения Южная Италия и Венеция. Такой же „интерес“, продиктованный

¹ Ср. Изв. ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 68, прим. 106.

² T. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. V, Berlin, 1885, S. 291, Anm.

³ R. Garnett. The Story of Gicla, „The English Historical Review“, v. XII, 1895, p. 100—105.

⁴ Г. Манойлович. Ук. соч., стр. 17—36.

⁵ Ср. С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. М., 1908, стр. 5, прим. 5.

преимущественно соображениями захватнической политики, мы наблюдаем в главах, посвященных Армении и Иверии, равно как и Северному Причерноморью. Восстановление и упрочение власти Византии — вот что в первую очередь занимает автора трактата „О народах“. Важную роль в X в. в византийской политике должны были, по мысли Константина, играть печенеги; так как они не образовывали единого политического целого, то Константин вынужден был обстоятельно остановиться на всех вопросах, связанных с печенегами. Обо всех остальных проблемах, касающихся Северного Причерноморья, Константин говорит только попутно и мимоходом.

Русь в X в. была уже настолько крупной политической силой в Восточной Европе, что Константин не мог обойти ее полным молчанием. Но он уделяет ей мало внимания, так как Русь по своей отдаленности не могла быть объектом захватнических вождедений Византии, и византийские политики в то время еще сомневались в возможности „завербовать“ ее в качестве своего постоянного союзника (наподобие печенегов). Византийского императора интересует только вопрос о том, как не допустить нового нападения Руси на Константинополь. Если Константин допускает грубые ошибки в своих сообщениях, касающихся самой Византии и близлежащих стран, то тем естественнее предполагать наличие таких ошибок в известиях, касающихся отдаленной Руси. И мы видели действительно, что сообщения Константина о Руси в трактате „О народах“ не лишены ряда ошибок и нуждаются в строгой критической проверке.

Такой же проверки требуют известия Константина о Руси и в других его произведениях. Так, в пятой книге „Продолжателей Феофана“, представляющей биографию Василия Македонянина, написанную его внуком Константином, содержится рассказ о крещении Руси: этот рассказ повторяют другие, более поздние византийские хронисты — Скилица-Кедрин, Зонара, Глика.¹ Казалось бы, располагая византийскими архивами, Константин мог дать ясное и точное описание времени, места и действующих лиц, при которых произошло это событие.

Но наши ожидания и здесь не оправдываются: сообщение Константина носит в значительной степени легендарный характер. Указывается, что Василий I склонил к дружбе „народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, и, установив с ним дружбу и соглашение, уговорил его принять крещение“.² После этого следует длинный рассказ о чуде, которое будто бы совершил архиепископ, присланный Игнатием. По требованию языческой Руси он положил евангелие в огонь, и оно осталось нетленным. Тогда Русь, пораженная чудом, крестилась и приняла архиепископа. Константин не указывает, кого он (в территориальном отношении) подразумевает под крестившимися руссами, не дает ни одного географического названия, ни названия крестившихся русских вождей. А. Грегар видит в этом сообщении Константина сознательное извращение фактов и стремление перенести на своего деда деяния Михаила III и патриарха Фотия.³ Действительно, до нас дошла официальная энциклика патриарха Фотия, который в 866 г. торжественно объявил о принятии христианства русскими. Б. Мелиоранский в свое время высказал предположение, что это противоречие только кажущееся. Игнатий,

¹ Theophanes Continuatus, ed. Bonn, p. 97.

² Там же.

³ H. Gregoire. Etudes sur le neuvième siècle. „Byzantion“, VIII, p. 536.

заяв патриарший престол, низложил епископов, поставленных его врагом Фотием, и заменил их своими ставленниками. Среди низложенных и замененных мог быть и русский епископ.¹

Можно признать, что в сообщении Константина есть доля исторической истины. Заботы о христианизации Руси как нельзя более соответствуют общему (в этом отношении) направлению деятельности Василия Македонянина. Известны его старания утвердить православие в Болгарии. При Василии приняты христианство целопопонеские славяне. При нем же настойчиво, хотя и безуспешно, проводилось насильственное обращение евреев в христианство. Следовательно, имеются основания допустить, что при Василии и Игнатии крестились и некоторые группы населения Киевской Руси. Подтверждением этого может служить ватиканский кодекс болгарского перевода летописи Манассии, к которому добавлено несколько глосс болгарского переводчика XIV в., говорящих о крещении Руси при Василии I.² Константин, однако, умалчивает о роли Болгарии в христианизации Руси.

Установленная Фотием и Игнатием церковная иерархия по греческому образцу на Руси едва ли пережила политический переворот в Киеве, о котором рассказывает „Повесть временных лет“ (под 882 г.), но христианская община здесь не погибла. Христианизация Киевской Руси была вековым, длительным процессом, в котором до официального крещения при Владимире болгаро-славянское христианство оказывало более активное воздействие на древнюю Русь, чем христианство византийское.³

У нас есть серьезные данные полагать, что богослужение в Киеве в конце IX в. совершалось на славянском языке и по книгам славянским, получаемым из Болгарии. Таким образом, можно думать, что письменность на Руси появилась вместе с христианством.

Открытия советской археологии все больше разрушают ошибочное представление о крайне слабом развитии письменности на Руси в X в. Гнездовская надпись, недавно обнаруженная Д. А. Авдусиным и М. Н. Тихомировым, показывает, что грамотность на Руси восходит к концу IX в. и начальным десятилетиям X в., причем русская письменность была с самого начала славянской (кирилловской).⁴ Если мы вспомним, что кириллица была распространена в Болгарии, с которой Русь в X в. имела оживленные сношения, то ее распространение на Руси представляется вполне закономерным. Соседняя и родственная нам славянская страна переживала в конце IX в. значительный подъем своей культуры. Правда, дошедшие до нас русские источники мало говорят о русско-болгарских отношениях, но это не значит, что их не было. Исследования А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова выяснили в значительной степени судьбу этих источников, подвергавшихся неоднократно тенденциозной переработке, при которой в них тщательно

¹ Б. Мелиоранский. Рецензия на кн. А. Васильева „Византия и арабы“. „Византийский Временник“, 1893, вып. 3, стр. 569.

² См. С. Шевырев. О славянских рукописях ватиканской библиотеки. ЖМНП, 1839, т. XXII, стр. 106—114; А. Д. Чертков. О переводе Манассиевой хроники на славянский язык, М., 1842; Его же. Описание войны великого князя Святослава Игоревича, М., 1848; Н. П. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876; П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского, стр. 442.

³ Научно-исторический журнал под ред. проф. Н. И. Кареева в 1914 г., № 4, стр. 32.

⁴ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. „Вестн. АН СССР“, 1950, № 4, стр. 78.

вытравлялись следы крупного значения Болгарии в распространении христианства на Руси, а христианизация Руси представлялась исключительным делом греческого духовенства. Но некоторые данные по этому вопросу в указанных источниках все же сохранились. Почти во всех рукописных списках „Повести временных лет“ под 898 г. значится: „Яже грамота есть в Руси и в болгарѣхъ дунайскихъ“.¹ Если верить этому сообщению летописи, то еще за сто лет до официального крещения Руси славянская грамота употреблялась в Болгарии и на Руси; это была прежде всего церковная, религиозная литература. В некоторых древних рукописях „Повести временных лет“ устанавливается зависимость между крещением болгар, переводом церковных книг на славянский язык и крещением Руси.² Далее: до нас дошла булла папы Иоанна XIII, который в 972 г., за несколько десятилетий до крещения Руси Владимиром, признает существование на Руси такого же христианства, как в Болгарии. Папа указывает на тождественность христианского обряда, бывшего в употреблении у болгарского и русского народов, и запрещает этот обряд в Моравии.³ Наконец, в первом томе исторического труда Татищева, который пользовался ныне утраченными источниками, имеется сообщение о том, что „Симеон Болгарский отправил на Русь иереи учены и книги довольныя“.⁴ Указание на „книги довольныя“ подтверждается многочисленными находками на Руси сохранившихся и до настоящего времени старинных произведений болгарской „преславской школы“. Указанные источники подтверждают, что церковным языком в Киеве и до Владимира был болгарский язык, и богослужение в соборной церкви Илии при Константине велось на болгарском, а не на норманнском, готском или греческом языках.

Немало споров и недоразумений вызывало среди историков и помещенное в книге Константина „De serimoniis“ описание приема при византийском дворе Ольги в 957 г. Само по себе это описание в отношении своей достоверности не может возбуждать никаких сомнений, так как оно представляет выписку из дворцового журнала, в котором описывались парадные приемы послов и посетителей из иностранных государств.⁵ Повод к недоразумениям создало то, что Константин просто привел эту выписку из дворцового журнала, не сопровождая ее никакими пояснениями. Мы должны принять хронологическую дату посещения Ольгой Константинополя, сообщаемую багрянородным императором, — 957 г., и признать неверной датировку крещения Ольги в Константинополе, которую дают древние русские источники — „Повесть временных лет“ и „Похвала Владимиру“ Якова Мниха, — 955 г.

Так как Константин ни единым словом не упоминает о крещении Ольги в Константинополе, то Е. Голубинский сделал попытку целиком отвергнуть русскую летописную традицию, допустив, что Ольга крестилась не в Константинополе, а в Киеве. Этой точки зрения придерживались также В. И. Ламанский и Ф. И. Успенский, обратившие внимание на то, что Ольга, по описанию Константина, имела в своей свите священника (παπῆς) Григория. Отсюда делался вывод, что Ольга уже была христианка.⁶ На этой же точке зрения стоят и некоторые совет-

¹ „Повесть временных лет“, ч. 1, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 21.

² ПСРЛ, т. XV, стр. 11.

³ Kozmae Pragensis Chronica Boemorum, XIII, MGHSS, nova series, v. II.

⁴ Татищев. История России, т. I, ч. 1, стр. 18.

⁵ De serim., II, cap. XV, p. 594.

⁶ См. ЖМНП, 1904, т. I, стр. 153; Ф. И. Успенский. Византия и Русь в X в., Киев, 1889, стр. 19.

ские историки, как, например, В. В. Мавродин. Но указанные ученые упускают из виду, что Константин не приводит никакого рассказа о пребывании Ольги в Константинополе. Он дает только выписку о придворных церемониях при ее приеме во дворце. Глава книги *De cerimoniis*, где описывается прием Ольги, названа: Ὅσα δὲ παραφύλαττειν δοχῆς γινόμενης ἐν τῷ μεγάλῳ τρικλίνῳ τῶς Μαγνάρας τῶν δεσπότων καθελομένων ἐπὶ τοῦ Σολομονίου¹ („О том, что нужно соблюдать при приемах, происходящих в большом триклинии Магнавры, когда владыки восседают на Соломоновом троне“). Под таким заголовком нельзя было писать о крещении Ольги. Е. Голубинский считает невозможным, чтобы Константин не упомянул об этом исключительном событии.² Но Константин писал руководство по придворному церемониалу, в котором он описывал не необычное, а то, что происходило постоянно и годно было для обычной практики.³ Нет ничего удивительного в том, что Ольгу сопровождал священник, если она готовилась принять крещение у Константинопольского патриарха. Если присутствие священника в свите Ольги не доказывает, что она уже была крещена, то зато из описания Константина можно вывести заключение, что Ольга представлялась ему, будучи еще язычницей. По крайней мере, Константин называет Ольгу ее языческим именем Ἐλγα, между тем как после крещения она носила христианское имя Елена, в честь жены Константина Багрянородного. Во всяком случае отвергать крещение Ольги в Константинополе нельзя, так как о том, что оно произошло в Киеве, не говорит ни один источник, а о том, что Ольга крестилась в Константинополе, согласно говорят все независимые друг от друга источники: русские („Повесть временных лет“, „Похвала Владимиру“ Якова Мниха), византийские источники — Скилица-Кедрин, Зонара и, наконец, западноевропейский, совершенно независимый от источников греческих и русских — Адальберт, утверждающий, что Ольга была крещена в Константинополе — *sub Romano imperatore Constantinopolitano baptizata*. Известие это не является ошибочным, так как Роман был соправителем своего отца в 957 г., а когда германский летописец делал свою запись, Роман (после смерти своего отца) являлся уже единодержавным правителем (959—963 гг.). Сообщением Адальберта нельзя пренебрегать, так как он мог получить эти сведения от русского посольства, приходившего к Оттону I два года спустя после крещения Ольги, а также во время собственного пребывания в Киеве.

М. Д. Приселков считает, что Ольга два раза была в Константинополе: в 955 г. она приняла здесь крещение и в 957 г. снова посетила византийскую столицу, чтобы здесь решить вопрос о церковной организации Руси.⁴ Но при этом остается непонятным, почему „Повесть временных лет“ не упоминает о второй поездке Ольги, и почему, если Ольга крестилась в 955 г. и приняла тогда христианское имя Елены, Константин при приеме в 957 г. называет ее старым языческим именем.

В целом трактат „О народах“ в части, касающейся древней Руси, является источником очень недостоверным; в нем много противоречий и фактических ошибок. Известия Константина Багрянородного о Руси требуют весьма критического к ним отношения.

¹ *De cerim.*, II, cap. 15, p. 566.

² Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1, изд. 2-е, стр. 238—244.

³ G. Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930, S. 104.

⁴ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 12.